

ΠΡΟΛΟΓ

Шарлотта

14 февраля 2002 года

Все кругом постоянно разрушается. Бьются стаканы, посуда, автомобили. Ломаются ногти и картофельные чипсы. Можно расторгнуть договор, побить рекорд, укротить нрав лошади или снизить курс доллара. Можно разбить или растопить лед. Можно прерваться на кофе или ланч, вырваться на свободу из тюрьмы. А еще есть рассветы, волнорезы, надломленный голос. Можно разбить цепи. Или нарушить тишину — навсегда.

Последние два месяца беременности я составляла списки подобных вещей в надежде, что роды пройдут легче.

Можно нарушить обещание.

Разбить сердце.

В ночь перед твоим рождением я сидела на кровати и думала, что бы еще добавить к списку. Порылась в тумбочке в поиске карандаша и бумаги, но тут Шон накрыл мое колено теплой ладонью:

— Шарлотта? Все хорошо?

Не успела я ответить, как он крепко прижал меня к себе. Так я и уснула с полным ощущением безопасности, забыв записать свой сон.

Несколько недель спустя, когда ты уже появилась на свет, я вспомнила, что разбудило меня той ночью: линии раскола. Такие места, где трескается земля. Точки, от которых берет начало землетрясение, где зарождаются вулканы. Другими словами: мир крошится, а твердая почва уходит из-под ног.

Ты родилась в бурю, которую никто не ждал. «Норд-ост», — сказал позже метеоролог, снежная буря, которая шла на север, в Канаду, но вместо этого сменила курс и выплеснула свою ярость на побережье Новой Англии. Новостные ленты убрали репортажи о возлюбленных, которые знали друг друга со школьной скамьи, а встретились снова в доме престарелых и поженились, легенды о сердцах, за которыми стоит история праздника, и вместо этого принялись давать сводки погоды о силе бури, о тех районах, которые остались без электричества из-за непогоды. Амелия сидела за кухонным столом, вырезая из сложенной бумаги валентинки, а я смотрела, как снег собирается в шестифутовые сугробы возле стеклянной двери. По телевизору показывали автомобили, съехавшие с трасс.

Я сощурилась, вглядываясь в экран, рассматривая мигающий синими огнями полицейский внедорожник, подъехавший к перевернутому автомобилю, стараясь понять, не был ли тем офицером в кресле водителя Шон.

От резкого удара по стеклу я вздрогнула.

— Мамочка! — взвизгнула Амелия.

Я повернулась и увидела очередной поток града, от которого на толстом стекле осталась выбоина не больше моего ногтя. Мы смотрели, как она разрастается, становясь величиной с мой кулак.

— Папа все починит позже, — сказала я.

В этот момент у меня отошли воды.

Амелия посмотрела мне под ноги:

— Кажется, авария.

Я, пошатываясь, пошла к телефону, а когда Шон не ответил, позвонила диспетчеру:

— Это жена Шона О'Кифа. У меня начались роды.

Диспетчер предложила прислать бригаду «скорой помощи», но это могло занять некоторое время: участок завалили вызовами из-за дорожных аварий.

— Все хорошо, — сказала я, вспоминая долгие роды с твоей сестрой. — Думаю, еще есть время.

Внезапно я согнулась пополам от такого сильного спазма, что телефон выпал из моих рук. Амелия смотрела на меня круглыми глазами.

— Все в порядке, — соврала я, улыбнувшись так сильно, что заболели лицевые мышцы. — Просто выскользнул телефон.

Я дотянулась до трубки и на этот раз позвонила Пайпер, которой доверяла как никому, не сомневаясь, что только она меня выручит.

— Роды не могли так скоро начаться, — сказала Пайпер, хотя все прекрасно понимала: она была не только моей лучшей подругой, но и акушером-гинекологом. — Кесарево запланировано на понедельник.

— Вряд ли малышка получила напоминание, — ахнула я и стиснула зубы после очередного спазма.

Пайпер не произнесла вслух, о чем мы обе думали: я не могла родить тебя естественным путем.

— Где Шон?

— Я... не... зна-а-аю, Пайпер!

— Дыши, — отозвалась она, и я стала дышать, произнося «ха-ха-хи-хи», как она учила меня. — Позвоню Джианне и скажу, что мы едем.

Джианна, вернее доктор Дель Соль, была акушером-гинекологом из перинатального отделения, которая приехала к нам восемь недель назад по просьбе Пайпер.

— Мы?

— Ты планируешь поехать сама?

Через пятнадцать минут я отделалась от вопросов твоей сестры, усадив ее на диван и включив «Подсказки Бульки». Сама села рядом, накинув зимнее пальто твоего отца, единственное, которое подходило мне по размеру на тот момент.

В первые мои роды сумка уже стояла упакованной возле дверей. У меня был четкий план, я даже прихвати-

ла с собой в приемную музыкальное попури. Я знала, что будет больно, но награда превосходила ожидания: встретиться с ребенком, которого мне не терпелось увидеть несколько месяцев. В первые роды я была так воодушевлена.

Сейчас же я пребывала в ужасе. Внутри тебе было безопаснее, чем снаружи.

В этот момент открылась дверь, и Пайпер моментально заполнила пространство уверенным голосом и яркой розовой паркой. Позади плелся ее муж Роб, держа на руках Эмму, которая, в свою очередь, несла снежок.

— «Подсказки Бульки»? — спросил Роб, устраиваясь рядом с твоей сестрой. — Знаешь, что это мое самое любимое шоу... после шоу Джерри Спрингера?

Амелия. Я даже не подумала, кто присмотрит за ней, пока я буду в больнице.

— Какая периодичность? — спросила Пайпер.

Схватки были каждые семь минут. Когда накатила очередная волна спазмов, я вцепилась в подлокотник дивана и принялась считать до двадцати. Все это время я смотрела на трещину в стеклянной двери.

От нее разбежались морозные узоры: зрелище, одновременно завораживающее и пугающее.

Пайпер села рядом и взяла меня за руку.

— Шарлотта, все будет хорошо, — пообещала подруга, и я наивно поверила.

В приемном отделении скопились пострадавшие в авариях из-за бурана. Мужчины прикладывали к голове окровавленные полотенца, дети хныкали, сидя на носилках. Пайпер провела меня мимо всех, направляясь в родильное отделение, где по коридору уже расхаживала доктор Дель Соль. В течение десяти минут мне сделали эпидуральную анестезию и отвезли на кресле в операционную для кесарева сечения.

Я занималась умственными упражнениями: если на потолке в коридоре окажется четное количество люминесцентных ламп, Шон приедет вовремя. Если в лифте мужчин больше, чем женщин, все, что сказали мне врачи, — ошибка. Мне даже не пришлось ни о чем просить Пайпер, она накинула на плечи медицинский халат и вписала Шона как сопровождающего в родах.

— Он приедет, — сказала она, глядя на меня сверху вниз.

Операционная отличалась стерильностью и хромовым блеском. Между маской и шапочкой медсестры только сверкали зеленые глаза. Женщина задрала мою рубашку и протерла живот бетадином. Я запаниковала, когда передо мной появилась стерильная занавеска. А если анестезии в нижней части тела недостаточно и я почувствую скальпель? А если, несмотря на все мои надежды, ты появишься на свет и не выживешь?

Наконец дверь распахнулась. Шон влетел в комнату, принес с собой холодный зимний воздух. Муж прижимал к лицу маску, кое-как набросив на себя медицинский халат.

— Дорогая, прости! Я приехал сразу же, как узнал... Пайпер похлопала Шона по руке.

— Трое — это уже толпа, — сказала она, отходя от меня, но прежде пожала руку.

В следующую секунду Шон оказался рядом, согревая ладонями мои плечи. Его мелодичный голос отвлекал от доктора Дель Соль и скальпеля.

— Ты меня так перепугала, — сказал муж. — О чем вы только с Пайпер думали, когда поехали сами?

— А лучше, чтобы ребенок родился на кухонном полу? Шон покачал головой:

— Могло случиться нечто ужасное.

Под белой тканью появилось тянущее чувство, я резко вобрала воздух в легкие, повернув голову в сторону.

И в этот момент я увидела: крупный снимок двадцать седьмой недели, семь переломанных костей, конечности, свернутые, как листья папоротника. «Нечто ужасное уже случилось», — подумала я.

И тут ты заплакала, хотя тебя подняли так, словно ты сделана из сахарной ваты. Но это был не пронзительный чистый крик новорожденного. Ты орала так, будто тебя разрывают на части.

— Осторожнее, — сказала доктор Дель Соль медсестре. — Нужно держать целиком...

Что-то треснуло, словно лопнул пузырь, и вопреки всему ты закричала еще сильнее.

— Боже! — на грани истерики произнесла медсестра. — Это перелом? Это я сделала?

Я постаралась взглянуть на тебя, но могла различить лишь красную полоску рта и горящие щеки.

Команда врачей и медсестер, которые собрались вокруг, не могла успокоить тебя. Наверное, до самого первого твоего крика в глубине души я верила, что все УЗИ, тесты и диагнозы были ошибочными. До самого первого твоего крика я переживала, что не полюблю тебя.

Шон выглянул из-за плеч докторов.

— Она идеальна, — сказал он, поворачиваясь ко мне, но вместо утверждения его слова звучали вопросительно, как поджатый хвостик щенка, ожидавшего одобрения.

Идеальные малыши не плачут так, что у тебя рвется из груди сердце. Идеальные малыши такие внешне и внутренне.

— Не трогайте ее руку, — пробормотала медсестра.

А потом еще одна: «Как ее запеленать, если я не могу даже прикоснуться?»

Все это время ты плакала, орала на такой высокой ноте, какую я еще не слышала.

— Уиллоу, — прошептала я имя, на котором мы сошлись. Мне пришлось убеждать Шона. «Я не согла-

сен, — сказал он. — Это же значит „плакучая ива“. Но мне хотелось дать тебе девиз, имя дерева, которое гнется, но не ломается.

— Уиллоу, — снова прошептала я, и среди этой какофонии — голосов медицинского персонала, гудения приборов и твоего пронзительного от боли крика — ты услышала меня.

— Уиллоу, — сказала я громко, и ты повернулась к источнику звука, будто это слово было сродни моим объятиям. — Уиллоу, — повторила я, и ты перестала плакать.

Когда я была на пятом месяце беременности, мне позвонили из ресторана, где я тогда работала. Мать главного кондитера сломала бедро, а в тот вечер ждали ресторанный критика из «Бостон глоуб», и меня учтиво попросили: не могу ли я прийти и приготовить шоколадный мильфей с пряным шоколадным мороженым, авокадо и банановым брюле?

Признаюсь, я повела себя эгоистично. Я казалась себе нерасторопной и толстой, и мне хотелось вспомнить, что раньше я могла не только играть в «поймай рыбку» с твоей сестрой и рассортировывать белье на светлое и темное. Оставив Амелию с няней-подростком, я поехала в «Каперс».

Кухня нисколько не изменилась за годы моего отсутствия, хотя новый шеф-повар переставил все в кладовке. Я немедленно расчистила для себя рабочую поверхность и взялась за слоеное тесто. Где-то в середине процесса я уронила кусочек масла, нагнулась поднять его, чтобы никто не поскользнулся и не упал. Стоило мне податься вперед, и я поняла, что уже не могу согнуться пополам, как раньше. Ты притаилась внутри, заставив меня тоже замереть.

— Прости, детка, — громко сказала я и выпрямилась.

Теперь я думаю: возможно, именно тогда ты получила семь переломов? Я уберегла другого человека от падения, но причинила вред тебе?

Ты появилась на свет в начале четвертого, но я не видела тебя до восьми вечера. Каждые полчаса Шон уходил, чтобы узнать новости. «Она на рентгене. У нее берут кровь на анализ. Они думают, что у нее перелом лодыжки». В шесть часов он принес хорошие вести: «Третий тип, — сказал он. — У нее семь заживающих переломов и четыре новых, но она прекрасно дышит». Я лежала на больничной койке и безудержно улыбалась, думая, что я, наверное, единственная мать в родильном отделении, которая рада подобным новостям.

Уже два месяца, как мы знали, что ты родишься с болезнью несовершенного остеогенеза — НО. Эти две буквы алфавита прочно войдут в наш обиход. Из-за недостатка коллагена кости становятся столь хрупкими, что ломаются от простого толчка, поворота, сжатия. Существует несколько типов, но только при двух переломах заметны в утробе, что мы и увидели на УЗИ. Специалист так и не смогла установить, был ли у тебя второй тип, фатальный при рождении, или третий, тяжелый и деформирующий. Я узнала, что за несколько лет ты можешь пережить сотни переломов, но сейчас меня это не волновало: впереди у тебя целая жизнь, чтобы пережить это.

Когда буран немного улегся, Шон уехал домой за твоей сестрой, чтобы она могла с тобой встретиться. Я наблюдала за доплеровским радаром: тот отслеживал передвижение снежной бури с юга, которая переходила в ледяной дождь, парализовавший аэропорты в Вашингтоне на целых три дня. В дверь постучали, и я с трудом поднялась; по швам пробежала жгучая боль.

— Привет, — сказала Пайпер, заходя в комнату и садясь на край кровати. — Я слышала новости.

— Знаю, — ответила я. — Нам повезло.

Она помедлила, после чего улыбнулась и кивнула:

— Ее скоро принесут.

В эту секунду медсестра вкатила в палату детскую кроватку и прошептала:

— А вот и мамочка!

Ты спала на спинке, на волнообразной пенистой клетке для яиц, которой покрыли дно пластиковой кроватки. На твоих крошечных ручках и на левой лодыжке были бинты.

Чем взрослее ты будешь, тем легче будет понять, что у тебя НО. Знающие люди увидели бы это по изгибу рук и ног, по треугольной форме лица и маленькому росту, ведь ты никогда не вырастешь выше трех футов, но тогда, даже с твоими бинтами, ты выглядела безупречной. Кожа бледно-персикового цвета, крошечный ротик, похожий на малинку. Пушистые золотистые волосики, ресницы длиной с мой ноготь. Я хотела прикоснуться к тебе, но, опомнившись, убрала руку.

Я так жаждала твоего спасения, что не думала о предстоящих трудностях. Да, я родила прекрасную дочку, но хрупкую, как мыльный пузырь. Будучи твоей матерью, я обязана была защищать тебя. Но что, если я только причину тебе вред?

Пайпер и медсестра обменялись взглядами.

— Хочешь обнять ее? — спросила подруга и просунула руку под пенистую подложку, а медсестра приподняла края, наподобие крыльев, чтобы поддержать твои ручки.

Очень медленно они устроили пену на моей согнутой руке.

— Эй! — прошептала я, придвигая тебя ближе.

Моя рука, пойманная в ловушку, коснулась жесткого края пенистой подложки. Сколько же времени должно пройти, прежде чем я смогу коснуться твоей влажной кожи? Я вспомнила о тех днях, когда в младенчестве пла-

кала Амелия и я забирала дочь к себе в кровать и засыпала в обнимку, боясь перекатиться на бок и задеть ее. Но с тобой другое дело: достав тебя из кроватки, я могла причинить вред. Даже когда гладила по спинке.

Я подняла голову и посмотрела на Пайпер:

— Может, тебе стоит взять ее...

Пайпер опустила тебя рядом со мной и провела пальцем по твоей заостренной головке:

— Шарлотта, она не сломается.

Мы обе знали, что это ложь, но, прежде чем я смогла что-то ответить, в комнату ворвалась Амелия, в заснеженных варежках и шерстяной шапке.

— Она здесь, она здесь! — пропела твоя сестра.

В тот день, когда я рассказала ей о тебе, Амелия спросила, успеешь ли ты родиться к обеду. Я ответила на это, что придется подождать где-то пять месяцев, и она решила, что это слишком долго. Тогда Амелия сделала вид, будто ты уже появилась на свет: носила повсюду свою любимую куклу и называла ее Сисси. Когда Амелия уставала или отвлекалась, то роняла куклу головой вниз, а твой отец смеялся. «Хорошо, что можно потренироваться», — говорил он.

Шон заполнил собой дверной проем, а Амелия забралась на постель, устраиваясь у Пайпер на коленях, чтобы оттуда дать свою оценку.

— Она слишком маленькая, чтобы покататься со мной на коньках, — сказала Амелия. — И почему она выглядит как мумия?

— Это ленточки, — сказала я. — Как на подарке.

Впервые я солгала, чтобы защитить тебя, и, словно бы все понимая, ты проснулась в этот самый момент. Ты не плакала, не извивалась.

— Что с ее глазами? — ахнула Амелия, когда мы увидели визитную карточку твоего заболевания: белки глаз отдавали холодной синевой.

В середине ночи на дежурство заступила другая смена. Мы с тобой спали, когда в комнату зашла медсестра. Я вынырнула из сна, зацепившись взглядом за форму, бейдж с именем, пушистые рыжие волосы.

— Подождите, — сказала я, когда она потянулась к твоему одеяльцу. — Поосторожнее.

Она снисходительно улыбнулась:

— Спокойнее, мамочка! Я уже десять тысяч раз проверяла подгузник.

Но это было до того, как я научилась быть твоим голосом. Когда она развернула одеяло, то потянула слишком резко. Ты перекадилась на бочок и пронзительно закричала — не захныкала, как совсем недавно, когда была голодна. Это напоминало тот душераздирающий крик, как в момент твоего рождения.

— Вы сделали ей больно!

— Ей просто не нравится просыпаться посреди ночи.

Для меня не было ничего хуже твоего плача, но затем твоя кожа посинела под стать глазам, а дыхание стало прерывистым. Медсестра склонилась над тобой со стетоскопом.

— Что случилось? Что с ней? — требовательно спросила я.

Она нахмурилась, прислушиваясь к твоей груди, и вдруг ты обмякла. Медсестра нажала на кнопку позади моей койки.

— Синий код, — услышала я, и крохотную комнату вдруг наполнили люди, хотя была глубокая ночь. Слова вылетали из их уст, как ракеты: «гипоксия... газовый состав артериальной крови... SO_2 ¹ сорок шесть процентов... следим за FIO_2 ².

— Начинаю закрытый массаж сердца, — сказал кто-то.

— У нее НО.

¹ Оксид серы. — *Здесь и далее примеч. перев.*

² Фракция кислорода во вдыхаемой газовой смеси.

— Лучше жить с переломами, чем умереть без них.
— Нам нужен переносной аппарат для рентгена органов груд...

— Нет смысла ждать рентгена. Возможен напряженный пневмоторакс...

Между мельтешащими колоннами тел я мельком увидела иглу, которая погрузилась под твои ребра, а следом кожи коснулся скальпель, выпустив капельку крови, потом в твою грудь погрузилась длинная трубка. Я следила за тем, как ее зашивают и как она торчит из тельца.

К приезду Шона, который забежал с широко распахнутыми глазами, тебя перевели в ОИТН¹.

— Они разрезали ее, — всхлипнула я не в силах подобрать иных слов.

Когда он притянул меня к себе, я наконец дала волю слезам, которые все это время от страха держала внутри.

— Мистер и миссис О'Киф? Я доктор Роудс.

В палату заглянул мужчина, похожий на студента, и Шон стиснул мою ладонь.

— С Уиллоу все в порядке? — спросил Шон.

— Мы можем ее увидеть?

— Скоро, — сказал доктор, и комок внутри меня немного ослаб. — Рентген грудной клетки зафиксировал перелом ребра. Несколько минут у нее была гипоксия, что вызвало расширяющийся пневмоторакс, результирующее смещение средостения и остановку сердца и дыхания.

— Ради всего святого, говорите по-человечески! — проревел Шон.

— Она была без кислорода несколько минут, мистер О'Киф. Ее сердце, трахея и главные артерии сместились на противоположную сторону тела из-за воздуха, который заполнил грудную полость. Трубка в груди поможет органам вернуться на место.

¹ Отделение интенсивной терапии новорожденных.